Самая многочисленная армия фанатов была у чудного тенора Лемешева. Примерно с полтысячи одержимых. Выразить их им кучи пылкому меценатке поровним поклонником Козлоевского. Спор решала сцена дуэли в опере «Евгений Онегин». После того как романтического Ленского (Лемешева) убивали, зал пустел наполовину — чего не наблюдалось на спектаклях с участием Козловского. Козловистки (еще их называли «козлихи») истинно страдали по ночам напрасно.

Что за народ входил в клаку? Полумные? Кривуши? Бедные студенты? Обеспеченные сучковатые дамочки? Однозначно ответить невозможно. Очевидно — и то, и другое, и все вместе. Скажем, среди лемешистов в первых рядах кроили прокурор из Ленинграда, которая запросто посылала всех «Какое заседание?! У меня сегодня «Евгений Онегин»!» — и «Экспресс» отъезжала в столицу. Дивочка из профессорской семьи, некие Инна Заяльлова, вообще больше месяца нигде не работала, так как ратобные мероприпо ее кумира вместо перемерзали все потуги государства на трудовую дресировку трудящихся. Газеты обвиняли их в тунеядстве, обливая сирами и подсирками. Даже представители пролетариата перед лицом высокого искусства глубоко чихали на трудотерапию постсталинской эпохи. Простая маляриця Вера дошла до того, что под забором лемешевской дачи сооружала себе палаш и с присущей пролетариату неприхлюстностью и терпением сносила тяготы подзаборной жизни.

Любовь и предрасность их были неземными. На 500-й юбилейный спектакль «Евгений Онегин» сцены преподнести Лемешеву уникальные гусли из карельской березы, на которые были натянуты струны из человечьего золота. Зачем-то, струны эстные, но сами русского пеньё! — было написано на этом царском подарке. Рассказывают, что тенор вторые прослезился публично.

Но, суда по всему, лемешистки были без тормозов. Они имели две официальные «вахи»: перрон — в кафетерии на углу улицы Горького и перрона Савоасских и комнатенку, снимаемую под крышей дома через дорогу от лемешевского. Здесь в горячих (и часто хорошеньких) головках рождались операции, некоторые из которых отличались особой дерзостью и выдумкой.

Однажды, подсмотрев очередную семейную сцену четы Лемешевых (супругой Сергея Яковлевича в то время была певица Ирина Масленникова), сирики вступили на тропу войны. Наменяя два мешка медяков, они тотной отправились в филиал Большого на «Травиату». Когда Масленникова, певшая партию Виолетты, пропела что-то там про пурдоны, с галерки на нее обрушился медный дождь. Дрюшки и трешки, зловеще звеня, катались по сцене на глазах у обалдевшей публики. Спектакль был сорван.

Рассказывают, что особо совершенные сыроки пару раз поклачивали Масленникову. За что были привлечены к суду, но отделались штрафом. Подобные случаи, как выяснилось по мере изучения скрытого движения, не повторялись, поэтому и не носили стиль дикого и агрессивного характера. Даже фанатки Пугачевой в борьбе за право быть приближенными мутузили исключительно друг друга. Верхом зверства, которое, кстати сказать, осудила все фанатская общественность, было то, что одну, особо зарвавшуюся, засунули головой в мусорный бак напротив подъезда Аллы Борисовны. Близких же певиц никогда не трогали.

КОМПРОМАТ НА КУМИРА

"Лемешистки" и "козловистки" были самыми заметными явлениями жизни сыров всех мастей в 50—60-е годы. Однако в кулисах большого театра существовали и другие, не столь многочленные клаки (которые, очевидно, в силу своей крутости называли себя министерствами). Самыми крутыми среди балетных считались "министерство" Плисецкой и Васильева. За ними большим отрывом шли сыры Лиепы, Годунова, Стручковой и других.

Игорь Пальчицкий:

— Нас, сыров Плисецкой, было более тридцати человек, плюс-минус двое. Как правило, мы собирались в кассах Большого на площади Свердлова. Некоторые, в том числе и я, проживали там целый день. Обменивались новостями, болтали. Конечно же, были в курсе всех дел Майи и театра. Наша министр была вхожа в дом Майи и мы в деталях знали все семейные новости Большого. Потом мы складывались на цветы, которые на спектаклях Майи бросали с верхних ярусов. Это производило на публику грандиозное впечатление. Бросая их от себя (как правило, дорогие, не по средствам), непременно с записочкой, передавали эти кулисы через пятнадцатый подъезд.

— А как вы попадали в театр?

— Стояли ночами, отмечались в очередях. Контрамарки появились позже. Я, например, всегда ходил на хорошие места. У меня были знакомые кассирши в кассе брони, и она в день спектакля оставляла мне билет, а я ей сверху давал пятьдесят копеек. Экономил на завтраках, сдавал бутылки, книги тащил на дома и продавал...

— И все это — к ногам Майи Михайловны?

— Да, к ногам, и цветы, обязательно, к каждому спектаклю. По тем временам они были дорогие, но главная беда — их было не достать, особенно зимой. Так у нас кружок был блат и связи. Доставали даже через Центральный Дворец бракосочетаний — от невест (его директор была тоже сырихой).

— Что вы могли сделать клаке? И вообще нужна ли она была такой балерине, как Плисецкая?

— А как же? Скажем, заканчивается адажио в «Лебедином озере». Если в зале не было ни одного сыра, то артист на поклон выходил один раз. Когда же в зале сидели свои — четырежды и более раз выкланивал. Сыры заканчивали — и доводили его до скандеза. А скандеж — значит успех артиста. Еще важно, что за время, когда шли аплодисменты, артист успевал отдышаться. Но мы могли и "опустить" кого-нибудь.

— Каким образом? Запрещенные приемы?

— Вообще балетные сыры, надо заметить, были поделикатнее "лемешистов" и не свинтили. Ну что делали? Подкладывали их клюшку на вернисажах, чтобы сбить артиста. Иногда на все голоса.

"Плисецкисты", если их так можно назвать, несмотря на весь свой кокетство, были панельнее по сравнению с сырами других балетов и другие оперные артисты. Самые большие хулиганство, которое они себе позволяли, — выкрикнуть типа "Пятнадцатого в адрес Натальи Дудинской, исполнявшей в Мариях с Плисецкой". Но только потому, что столичные сыры симпатизировали Алле Шелест (**первая жена Юрия Григоровича. — М. Р.**).

Злейшими соперниками "плисецкистов" были "стручковцы" (сыры Раисы Стручковой), и все спектакли бушевали не в зале, а за кулисами между двумя клаками. При встречах они обливали друг друга презрением и занимались в основном своим "компромату" на кумиров своих противников.

Игорь Пальчицкий:

— Помню, однажды у Майи была упражнение "Спящая красавица". Там, в адажио с четырьмя кавалерами, при обходе Плисецкая поменяла ногу. Это считалось грубым нарушением, что началось после спектакля, боже! "Стручковцы" носились по театру с воплями: "Вот, дожили, вам уже и опять не можем!" Я расстрелялся, когда Плисецкую после спектакля, выходит, "что такой растроенный?" — спрашивает. "Ну как же, — отвечаю, — "стручковцы" орут, что будто бы на ногу поменяла". Она улыбнулась непонимаемо: "Скажи им вот что: у нас это случилось один раз, а у вас — каждый раз".

Игорь Пальчицкий — сыр с 34-летним стажем. От отсчитал 500 "Лебединых". Знал наизусть каждую ли то по одному только выходу балерины на па де бурре во втором акте безошибочно мог определить, будет спектакль спектаклем "сучар" или обычным. "500 "Лебединых", — думаю я, — не маловато будет? Как же такое выдержать? За бумажными декорациями и жизнь с человеческой любовью и страстями проходит мимо.

И что на самом деле есть жертвоприношение сыров — свидетельство безраветной преданности искусству и подтверждение мысли Оскара Уайльда о том, что искусство сильнее всего ("Не искусство подражает жизни, а жизнь — искусству"). Или некое психическое отклонение? Во всяком случае, мой знакомый психиатр все же квалифицировал это как одно из отклонений, психопатологию. Более того, он готов трактовать поведение сыров по Фроейду — как результат сексуальной неудовлетворенности на определенном возрастном этапе. Мой друг в бежа клаке был чрезмерно сыров в своих оценках.

Игорь Пальчицкий:

— Что бы ни случилось, куда бы меня ни повезли, ничто меня не могло отвлечь от "Лебединого озера" с Майей, если его давали в тот вечер. Также я не мог себе представить, что не поеду в Ленинград на "Варшавскую мелодию" с Аллой Фрейндлих. Меня мог остановить только конец света. Это было не сексуальное влечение. Это любовь была.

ФУРЦЕВА ТОЖЕ БЫЛА СЫРИХОЙ

Со временем сыры становились в театре своими людьми. Такой же неотъемлемой частью, как и его колонны. "Девятой колонной Большого", между прочим, окрестил Рудольф Нуреев самую одиозную сыриху — Лилю Ноградскую Безиль, с которой я еще вспомню. При таком положении вещей можно догадываться, что никаких тайн для сыров не существовало. Жалкий пук в примерке отдавался среди сыров громовым раскатом. Они же являлись беспроволочным телеграфом всех сплетен на линии "Большой — Москва".

Однако со временем "нижнее белье" главного театра страны приобретает благородный запах мемуаров, дающих определенное представление о событиях своего времени. Большим и характерах его обитателей.

Игорь Пальчицкий:

— Фурцева любила Плисецкую. В каком-то даже смысле в дыка была ее сырихой. Ленинскую премию Майя все равно бы получила, но поддержка Фурцевой ускорила дело. Когда одна очень известная балерина (на буду называть ее, она жива и здравствует) накатала на Плисецкую донос в КГБ, ее пригрыла именно Фурцева. Она вообще на многое закрывала глаза, если кто-то "случал" на Майю, особенно после зарубежных гастролей. Несмотря на все это, в своей книге Плисецкая так-то некрасиво написала о Екатерине Алексеевне. Почему?

Х., пенсионерка с резким голосом, в прошлом активная сырихо:

— Наталья Бессмертнова, еще когда только начала работать в театре, вышла замуж за красавца двухметрового роста, кажется, физика. Прожив с ним недолго, бросила его. Потом у нее была очень красивая любовь — Ростислав Лавровский и Каховский... И вдруг мы узнаем, что она выходит замуж за Григоровича. Все так и ахнули, потому что... Ну неважно. Главное, я считаю: это публику и его, и ее. Она стала его злым гением и все делала в театре его руками. Ну а семья? Большой балерриной — балерриной мира, как Уланова, Плисецкая, Алонсо, — она не стала. Но женской любви-счастья не имела.

У., седой полковник-отставник. Однако с тихим голосом и в изношенном пальто:

Фото конца 60-х — начала 70-х

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ «СЫРОВ»

БОЛЬШОЙ ТЕАТР В СТИЛЕ РЕТРО

Каллас и Пальчицкий. Снимок сделан в «Шереметьево» в конце 60-х. Фото из архива Игоря ПАЛЬЧИЦКОГО.

Парижа. Начало века. На спектакле в «Гранд Опера» одна чувствительная дамочка обливалась слезами, а потом хлопалась в обморок. Как выяснилось позже, за это ей хорошо платили. Так зарабатывали на жизнь клакеры парижского театра. Наши же клакеры...

"Клака? Вы назвали нас клакой? Это не совсем так. Клака, как вы изволили выразиться, предполагает плату. А значит, и работу. Для 90% людей, входящих в наш круг, это была жизнь. Любовь..." Так считает ветеран балетной бескорыстной клаки Большого театра Игорь Пальчицкий. Он и те, кто он меня свел, у нас больше известны под названием "сыры". Все, кроме Пальчицкого, просили не называть их фамилий. Это мне показалось странным, тем более что их воспоминания не претендуют на историческое исследование клакерского движения в России, а скорее выглядят мини-рассказами. Это то, что практически исчезло или изменилось до неузнаваемости. Хотя Большой театр был, есть и будет.

КТО СТОЛИК ЗАКАЗЫВАЕТ, ТОТ И...

Что можно сказать сегодня о клаке Большого? Выродилась? Нет, точнее сказать — переродилась. Время энтузиастов и бескорыстных поклонников уходит. Сегодня клака как структура хорошо организована и так же хорошо закрыта от посторонних любопытных глаз. Клакеры на контакт не идут, избегают незнакомых людей. "Новичка" долго не допускают к работе, пока я тем самым хорошенько не присмотрятся и не проникнутся.

В балете клаки есть у Гракевой, Быловой, Михайлевич, Ветровой, Филина, — словом, у тех, кого называют ведущими танцовщицами. Самая многочисленная — у Гракевой: человек десять или чуть больше. Для них всегда заказан и по высшему разряду накрыт столик в зрительском буфете на первом этаже. Все это из ненависти клакеров перекваалифицировала в менеджеры агентов, заделывает гастроли и получает свой заслуженный процент. Это куда престижнее, чем за десять тысяч в месяц (сумма вернее до последнего подорожания бензина) драть глотку в зале.

Однако среди всех клак патронирует одна, оставшаяся вне конкуренции, клака Грачевой, которая до недавнего времени кричала в зале: "Григорович гений!"

Начавшие сыры неодобрительно относились к малым, взаимнодарственным их как "нетрадиционным и полуумственным". Возможно, это лишь справедливое брюзжание. Хотя в Большом всегда можно встретить одного очень респектабельного господина по имени Автандил. Его нетрудно узнать по двум приметам. У него постоянное место в первых рядах. Это раз, и два: только он дарит поклакерам увеличенные по красоте и размеру букеты. Букет от Автандила украшает каждый. Но похоже, что он не видит ни в какую клаку и вписывается в жизнь Большого как индивидуум.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Большой был, есть и будет...

Но сохранится ли его жизнь сегодня — буря в стакане по сравнению с жизнью сыров Лемешева, Козловского, Плисецкой. И клака, это очевидно, переживает кризис, как и ее кольбель — Большой театр.

Но это рассуждения вообще. А в частности — это история человеческих жизнь, и в нашей истории — жизнь и судьба **Х, У, Z и Игоря Пальчицкого**. Не знаю, кто он, сколько, о том, что сыроки жили переехали собственную?

Игорь Пальчицкий:

— Я не так уж страдаю от отсутствия этой самой личной жизни. Грущу по прошлой. Не скажу вам вот что: когда я приезжаю на Запад к своим театральным друзьям и рассказываю, что я видел, с ним знаком. Богатые люди на сей-Бодрого вида не видели и полковны того, что видел я. Ну, например, я четыре раза слушал «Норму» с Монсеррат Кабалье. Я видел спектакли с Марго Фонтейн, первой приезд "Гранд Опера", первые гастроли в Москве "Ла Скала". С тех самых пор я дружу с Коссотой. Я могу показать фотографию, где я под ручку с Марией Каллас(!!!). Не думайте, что это монтаж. Это подлинник. Американцы из клуба поклонников Марии Каллас умоляли продать ее за 500 долларов. Я сказал им: "Я ее никогда не продам. Она со мной в гроб уйдет".

Ну что тут сказешь?

Марина РАЙКИНА.